

ПОЗВОНИЛ знакомый актер. Говорит: — Хочу ваши басни в программу включить. Нет ли чего-нибудь новенького? Остро, злого, как «Заяц во хмелю» или...

Не буду передавать весь разговор. Басни подобрать я, конечно, помогу. Из написанных в последнее время.

Но меня слова «чего-нибудь новенького» навели на размышления.

Басни начал писать в 44-м году. Они стали появляться в «Правде». Я стремился показать, вынести на людской суд те недостатки, которые мешали нормальному течению жизни. Признаться, тогда и в голову не приходило, что темы моих басен и сатирических стихов еще долго будут оставаться актуальными. Мне казалось, что если порок или недостаток замечен, приторно осмеян, то можно считать, что дело сделано, недостатки отомрут сами собой.

Когда я был начинающим писателем-сатириком, мне не раз доводилось испытывать на себе «власть» перестраховки, бюрократизма, равнодушия. Случалось, черное выдавали за белое, да так настойчиво, что едва не убеждали меня в этом. Бывало, месяцами ходил по инстанциям с делом, которое можно было решить в полчаса. Кстати, эти мои хождения легли в основу басни «Простая справка», где я описал бдительность, которую кинны проявляют, чтоб ни за что нигде не отвечать...

Иной читатель может подумать, что теперь-то мне не приходится сталкиваться с волокитой, бюрократизмом или перестраховкой. К сожалению, приходится! От них не защищают ни возраст, ни звание. Как к депутатам ко мне обращаются немало людей со своими просьбами, и, помогая им, подчас «хожу по кругу», наталкиваясь на нежелание быстро и компетентно решить вопрос, на вьезшую привычку перекладывать ответственность на другого. Мог бы в подтверждение привести и конкретные примеры, но, думаю, в этом нет необходимости. Легче найти иголку в стоге сена, чем человека, которому посчастливилось избежать подобных нерадостных столкновений...

Предвижу возможный упрек: зачем же так обобщать? Ну есть отдельные случаи перестраховки, некомпетентности, есть иные отдельные недостатки, но так ли уж они опасны? Не надо искать черта там, где его нет. Словом, критикуй, но знай меру. Заостряй, но так, чтобы не уколоться. А если и увидел прыщик, нечего разглядывать, отвернись, как подобает приличному человеку, сделай вид, что не заметил.

В моей практике мне приходилось выслушивать подобные упреки и претензии.

— Где вы видели такого отщепенца? — спрашивали, например, при обсуждении очередного сатирического произведения. — Неужели нельзя надеть его наряды с отрицательными качествами и некоторыми положительными чертами? Он ведь, надо полагать, вырос в нашей, советской среде... Его характер надо бы смягчить.

С подобными пожеланиями я сталкивался как раз в те моменты, когда пытался разглядеть «черта» там, где он еще не виден был многим. Когда пытался определить, не разовьется ли маленький прыщик в болезненный фурункул на здоровом теле...

На мой взгляд, именно боязнь острого, обобщающего взгляда нередко приводит к тому, что отдельные негативные факты безнаказанно распространяются, превращаются в явление, а социальное зло так получилось с пьянством, с ослаблением дисциплины. Сегодня это уже не отдельные недостатки, не отдельные отрицательные факты. Сегодня это серьезная проблема. И, пожалуй, впервые мы с такой остротой говорим, как сильно нам это мешает. Хотя, замечу, сатира всегда возделывала это «поле». Немало пьяниц, прогульщиков, любителей перекуров и кроссвордов стало объектом сатирических стихов, фельетонов, рассказов, выпусков «Фитиля»... Но, видимо, тех выступлений против распространяющегося зла было недостаточно. Не была создана атмосфера общего неприятия, общего осуждения разгильдяйства и пьянства. Находились «жалельщики», которые заботливо поддерживали в трамваях или автобусах с ног валившегося пьянчугу. Находились сердобольные коллеги, которые сочувствовали похмельному «нездоровью» любителей приложиться к бутылке. Не удивительно, что в обстановке сочувствия, прощения, уговоров и мягких критических выступлений против «отдельных фактов» пьянство и получило такое распространение.

Значит, сегодня нужно выступать не только против алкоголиков, но и против тех «добрых людей» наших сограждан, которые жалуют, сочувствуют, покрывают пьяниц, покупают бутылку по просьбе подростка, щедро одалживают рубли на «поправку здоровья».

От литературы и искусства общество справедливо ждет помощи в искоренении зла. Я вспоминаю пронзительную по своему звучанию повесть Вилы Липатова «Серая мышь», где он показав судью человека, разрушенного алкоголем. Большое пропагандистское значение имел бы сегодня фильм, говорящий о человеке, потерявшем человеческий облик из-за пьянства. Такой фильм, если, конечно, он сделан талантливо, принес бы значительно большую пользу, чем фильм о человеке, пьющем только минеральную воду и совершающем только благородные поступки.

Мы довольно долго недооценивали того серьезного воздействия, которое оказывает пьянство на жизнь общества. Сегодня положение изменилось. Мы знаем, что называется, «врага в лицо» и объявили ему всенародную борьбу. Но вот что меня настораживает: не превратилась ли эта борьба в кампанию. Беремся засучив рукава, а потом у самих же руки опускаются. Так было не раз.

Борьба с пьянством — это последовательная, систематическая воспитательная и разъяснительная работа. Она предполагает при всей строгости и определенной гибкости, ибо дело касается психологической перестройки человека. А такая перестройка сразу никому не давалась и не дается.

Если бы пьянство можно было победить призывами к совести или штрафами, как штрафуют инспекторы ГАИ пешеходов и водителей, нарушивших правила, это зло не было бы общественно значимой проблемой. Вот почему хочу предостеречь рабочего, руководителя производства, писателя-сатирика, выступившего на борьбу с пьянством, с нарушениями дисциплины, от настроения шапкозакладчика. От настроения на мгновенные победы. Как бы там ни хотелось скорых и быстрых результатов, название э

лейки». А спрос переходит всякую меру. Меру совести, меру здравого смысла, меру нормальных потребностей человека.

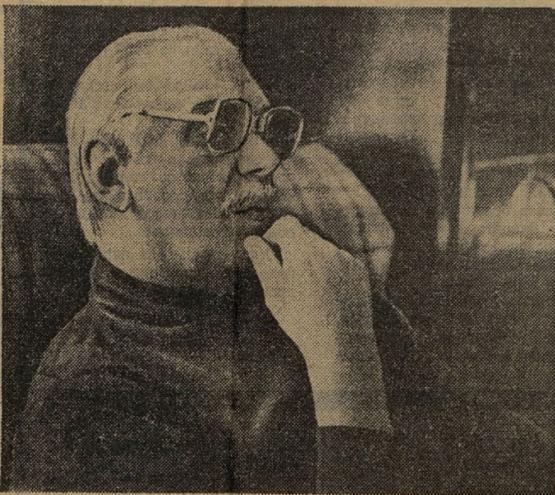
Спрос принимает сегодня уродливые формы. Знаю человека, который с упоением, доверительно перечисляет: носки на нем — американские, башмаки — итальянские, костюм — голландский, рубашка — сирийская, галстук — французский... И долгие сказать, это вам не стилинг, это — со вкусом одетый человек. И он не фарцовщик, он работает в обычном учреждении. Но вот только все помыслы его, все мечты и желания направлены на то, чтобы достать штаны или куртку с ярлыком «made in ...». В кругу своих приятелей такой говорит лишь о шмотках и как их достать: девочки и мальчишки, собираясь стайками, важно рассуждают о достоинствах «бананов»; женщины незаметно, но ревниво оглядывают друг друга — у кого моднее прилепленная «лэйбла»...

В чем тут дело, почему не прекращается погоня — «день и ночь в бегах заграничным»?

Потому что отечественная легкая промышленность пока не может добиться, чтобы наши товары по качеству были не хуже (хотя бы не хуже — просят покупатели) заграничных товаров.

Не ясна задача? Не по силам? Сырья не хватает? Да задача давно всем ясна, всем понятна, и всего у нас хватает. И я не знаю, есть ли такой директор швейной или обувной фабрики, который на словах бы не согласился, что лучше выпускать нужные, красивые, современные изделия. Говорят, но не выпускают. А шьют то, что не покупается.

А тем временем общество несет огромный моральный урон. Я не оговорился: именно моральный в первую очередь, а не экономический в данном случае. В сознании наших людей закрепляется неправильное, вредное представление о том, что такое — хуже. Посеять это представление значительно легче, чем потом переломить. Когда говорят о трудностях

«мелочь» — определить, с каких карьеров, кем будут поставляться в торговую сеть эти песок и щебенка.

Можно было это предусмотреть? Нужно. Но этого не произошло — по причине головотяпства. Или некомпетентности. А в результате появилась целая категория «честных жуликов». А общество несет моральный и нравственный урон. Потому что оно воспитывало автора письма и ему подобных честными людьми, а имеет в их лице «честных» жуликов. Вот почему сейчас, когда обращено серьезное внимание на развитие садово-огороднических товариществ, нужно особенно заботливо относиться к запросам людей, своевременно снимать всякие «мелочи», которые подчас становятся преградой в нужном и полезном деле.

У сатиры есть не только право, но и обязанность заострять, и потому я бы назвал происшедшее диверсией против общества. Диверсией, у которой есть автор, хотя допускаю, что совершил он ее не по злому умыслу. Найти автора, путившего гулять «незавершенку», то есть незавершенный, несовершенный документ — инструкцию или положение о продаже стройматериалов, — в общем нетрудно. Нетрудно взыскать с него за просчет — дать выговор или даже уволить. Труднее ликвидировать моральный урон, нанесенный обществу. Мой автор письма, возможно, и не привыкнет жульничать, но кое-кто, увидев, что жульничество сходит с рук, не захочет ли попробовать себя и в более серьезном «деле»? Дурной пример, говорят, заразителен...

Мы, к сожалению, чаще всего сами создаем условия для проявления отрицательных фактов и явлений. А потом удивляемся: откуда берутся жулики? Почему процветает спекуляция? Почему так сильно пьют? И начинаем метать громы и молнии на головы этих самых жуликов, спекулянтов, пьяниц. А ответить на вопросы — почему? откуда? как? — подчас забываем или не хотим. Забываем, что жулик, спекулянт или пьяница не возникает из ничего, сами по себе не появляются, а всегда только в «благоприятных» условиях.

Стоило забыть о такой мелочи, как песок и щебенка, и кривая жульничества оезко прыгнула вверх: здесь жулик и тот, кто ищет песок, и тот, кто сбывает его налево.

Отряд спекулянтов тоже не редет, потому что покупательский спрос не удовлетворяется через государственную торговую сеть из года в год...

Дважды два — четыре. А пятью пять — двадцать пять. Как таблица умножения, остаются неизменными некоторые наши проблемы...

ХОЧУ рассказать две истории, непохожие, на первый взгляд, но одинаково тревожные для меня. Первая история — о враче.

Он работал в районной больнице почти сорок лет. Все знали его, и он — всех. Не только в райцентре, но и в самой глубинке. Уважали его, ценили и в одно прекрасное вре-

Сергей МИХАЛКОВ

МИШШЕНИ

ЗАМЕТКИ САТИРИКА

экономической перестройки, я всегда думаю о том, что психологическая перестройка во сто крат сложнее.

Однако я вовсе не собираюсь оправдывать и самих «носителей» заграничных наклеек. Они не так уж безобидны и невинны. Когда я слышу разговоры об удобстве, практичности, эlegantности «фирменного» тряпья, мне всегда хочется задать вопрос: а на какие деньги покупается у спекулянтов вся эта «фирма»? На зарплату? На честно заработанные деньги?

Я, простите, не верю в неограниченные возможности приобретения на трудовые заработки. Спекуляция уявля бы на корню, если бы рассчитывала только на честно заработанные деньги. Спекуляция рассчитывает на шальные, «легкие» деньги и — процветает. Значит, у тех, кто бегит к спекулянтам, есть такие средства. «Легкие» деньги? Думаю, что не открою большого секрета, если скажу: ворованные. Взятка, хищение, приписки, незаконно полученные премии за продукцию, не пользующуюся спросом, — все это источники тех «легких» денег, на которые готовятся спекулянты и фарцовщики многие любители заграничных наклеек.

Вот так: потянули за ниточку, а размотали целый клубок проблем. Новые эти проблемы? Нет. О некоторых мы говорим не один десяток лет. Знаем, как решать их, знаем, что противопоставить их «расползанию», но воз, как говорится, и ныне там. Потому что, зная, часто бездействуем. Говорим о деле, а дела не делаем. Или делаем кое-как. Через пень-колоду. И таким отношением иногда губим ценное начинание, полезную инициативу.

ЧИТАЮ письмо. Автор пишет: «Не знаю, как лучше обратиться к вам: как к депутату, как к писателю-сатирику или как к редактору «Фитиля». Как вы считаете, может ли человек, который не хочет воровать, обманывать и вообще как-либо нарушать закон, стать жуликом? Я считаю: может. Убедился на собственном опыте.

Мне выдался участок. По закону. По закону с разбитым сердцем. А в районной больнице почти сорок лет. Все знали его, и он — всех. Не только в райцентре, но и в самой глубинке. Уважали его, ценили и в одно прекрасное вре-

мя поздравил, как говорится, от всей души с присвоением звания заслуженного врача республики. И все шло нормально. Но вот однажды приходит к нему человек и просит «устроить» бюллетень — зачем-то ему понадобились три дня: то ли на свадьбу пригласен, то ли на рыбалку собрался. А врач не «устроил». И человек обиделся. Да так, что написал «принципиальное» письмо о финансовых нарушениях в больнице.

Пришла ревизия. Нашли, что неправильно было оформлено совместительство. С кого спрос? С главврача.

Но о чем идет речь? Районная больница: медицинская сестра там совмещает еще подолжности. Видимо, по закону нельзя было оформлять ее еще на полстаки. Но она отбавляла эту половину в дополнительное время и, по существу, приносила пользу больнице. Общеизвестно, что у нас не хватает медсестер и санитарок, а тем более в районах.

Ну, доказав, что здесь не было страшной корысти, врач кое-как оправдался.

Тогда ревизии подкинут был другой «факт».

Дело в том, что при больнице был баран. Из его крови делали соответствующую сыворотку, необходимую для определенного лечения. Ревизия неожиданно заинтересовалась: а где шерсть с барана?

Баран этот пасется в колхозном стаде. Его, видимо, и стригли вместе с другими, и куда девается шерсть, никого в больнице не интересовало, в том числе и главврача. Но ему предъявили обвинение: куда девалось столько-то килограммов шерсти, настриженной с барана за столько-то лет? Ни в «бараньих» документах она не зафиксирована, ни в наличии ее нет.

Дело явно клонилось к тому, что врач в разговоре с персоналом эту шерсть был и тем самым скотчочно обогатился.

У врача — тяжелый сердечный приступ.

И только в связи с таким чрезвычайным обстоятельством разбитым сердцем.

Обида, унижение — вот черные плоды равнодушия, формализма, бюрократизма, корысти, зависти.

Ключевым вопросом политики названо предельное внимание к человеку на апрельском Пленуме партии. Так давайте же будем внимательны друг к другу, уважительны. Честны в отношениях друг с другом. Заботливы. Ответственны перед обществом за все большие и малые наши дела.

ЯБЫ ИЗМЕНИЛ себе, если бы не сказал несколько слов об отношении к сатире. Замечу, что вопрос этот вовсе не «внутрицеховой». В отношении к сатире я вижу отношение к критике и самокритике.

Довелось спросить у руководства города, куда приехал по творческим делам: а вы сатиру любите? Как же, отвечают, конечно, нам критика строить и жить помогает.

На словах — любят. А на деле?

Интересуюсь, давно ли ставил местный театр сатирическую комедию, часто ли видят жители на городских экранах выпуски «Фитиля»? Как правило, оказывалось, что я задаю преждевременные вопросы. Что сатирическую пьесу как раз планируют поставить в театре в будущем сезоне, а насчет «Фитиля» — вот как раз в следующем квартале собираются организовать регулярные показы. (Вполне допускаю, что в этот момент мысленно руководство добавляло: «может быть...») Может быть, поставим; может быть, организуем.)

Знаю не только по собственному опыту, но и по опыту моих коллег, писателей-сатириков, что некоторые местные руководители, не желая выносить сор из избы, просто-напросто не пускают сатирические произведения на сцену театров своего города или области. Не хотят, боясь привлечь внимание к тем острым вопросам, которые поставлены в пьесе. Сатира? Зачем? Лучше воздержаться. И автору дается вежливым, но неискренним ответ: роли-де не расходятся между актерами. в театре... или — для города эта тема неактуальна.

Я готов допустить, что тема предложенной пьесы может быть не самой актуальной для этого города или области. Скажем, в пьесе бичуется пьянство, а для города это уже не проблема. С этим вопросом здесь уже все в порядке, пьянство изжито, вырвано с корнем.

Будь это так, следовало бы отступить. Но нередко под предлогом «местной неактуальности» отказываются ставить и всяких других сатирических произведений, на любую другую тему. Одному автору скажут, что данная тема неактуальна; другому — что с дисциплиной у них нет проблем; третьему — что с расхитителями народного добра они давно покончили. И так далее.

Предоставьте город или область, где нет никаких нерешенных проблем, недостатков, искажений и пр.?

Не верите? Вот и я тоже не верю в такую фантастическую картину. И думаю, что к имеющимся острым проблемам (а что проблемы существуют — сомневаться не приходится) этого города или области надо добавить еще одну: отношение к сатире, отношение к критике...

Почему-то сатирические премьеры не принято показывать в праздничные дни. Я никак не могу понять, почему этот острый жанр несовместим с праздничным настроением? Кое-кто думает: не дай бог, если зрителя что-либо расстроит или заденет. Пусть думает, что все у нас везде хорошо и гладко. В будние дни — куда ни шло, но в праздники!

А мне вспоминаются слова В. И. Ленина о том, что лучший способ отметить юбилей — это поговорить о еще нерешенных задачах. Сила общества как раз и заключается в том, чтобы всегда открыто и прямо говорить о своих проблемах.

На мой взгляд, сегодня речь должна идти не столько о количественном накоплении новых сатирических произведений (их и так у нас немало), сколько об изменении отношения к сатире как к выразительной, художественной форме критики и самокритики. Это отношение должно целиком определяться ленинским требованием гласности в нашей работе, нашей общей нетерпимостью к любым проявлениям кампания, заискивания и другим недостаткам, несовместимым с нашей моралью.

Уверен, сатирик не может стать трусоватым человеком, потому что сатира — всегда бой, драка. Но как это ни покажется парадоксальным, сатирики не могут быть злыми, озлобленными людьми. Кому придет в голову назвать «злыми» Маяковского, Зощенко, Ильфа, Петрова — авторов сатирических произведений, которые очень любят в народе? Злом не воюют во имя добра.

Я говорил уже много раз, что сатира не рождается под общими аплодисментами. Она не может радовать всех. Смелая сатира, продиктованная государственными интересами и принципиальными соображениями, обязательно кого-то разозлит, выведет из равновесия, заденет за живое, нарушит, по словам Горького, «удобную обстановку» в душе того, против кого она направлена. Обличая, осмеивая, осуждая уродливое и безобразное, сатира предлагает людям сделать для себя вывод о том, какой в действительности должна быть жизнь.

Но, к сожалению, вместо желания подумать и что-то важное о жизни решить для себя люди иногда обижаются на сатиру и писателя, укоряют его за якобы широкие обобщения, считают его работу очернительством.

Я написал пьесу «Пена», где довольно зло высмеял автора не им написанной диссертации. Бывает такое в практике? Бывает. Но это не означает, что все ученые защищают диссертации и получают звания подобным образом.

А обиделись многие. Зачем, говорили, чернить весь научный мир, давать повод думать, что каждый из нас плагиатор? А я не понимаю, почему честный, талантливый ученый должен принимать критику на свой счет. Что ему беспокоиться за себя? Нужно беспокоиться за общее дело, в котором, оказывается, не все ладно, не все в порядке, а не обижаться на сатиру. (Стоит ли, увидев себя в зеркале лохматым, разбивать его? Лучше взять расческу и причесаться...)

Иной раз немало преград встает на пути острого, смелого художественного произведения, прежде чем оно появится на свет. Причем в конце концов это произведение пребывает дорого и более того — получает высокую общественную, партийную оценку. И как раз то необычное, смелое, за что произведение высоко оценено, подвергалось или обструкциям, или недоверию: что-то не то, что-то не так, не пошатнет ли это автору репутацию?

мало людей со своими прессыями, и, помогая им, помогаю сходу по кругу», наталкиваясь на нежелание быстро и компетентно решить вопрос, на вевшуюся привычку перекладывать ответственность на другого. Мог бы в подтверждение привести и конкретные примеры, но, думаю, в этом нет необходимости. Легче найти иголку в стоге сена, чем человека, которому посчастливилось избежать подобных нерадостных столкновений...

Предвижу возможный упрек: зачем же так обобщать? Ну есть отдельные случаи перестраховки, некомпетентности, есть иные отдельные недостатки, но так ли уж они опасны? Не надо искать черта там, где его нет. Словом, критикуй, но знай меру. Заостряй, но так, чтобы не уколоться. А если и увидел прыщик, нечего разглядывать, отворачись, как подобает приличному человеку, сделай вид, что не заметил.

В моей практике мне приходилось выслушивать подобные упреки и претензии.

— Где вы видели такого отщепенца? — спрашивали, например, при обсуждении очередного сатирического произведения. — Неужели нельзя наделить его наряду с отрицательными качествами и некоторыми положительными чертами? Он ведь, надо полагать, вырос в нашей, советской среде... Его характер надо бы смягчить.

С подобными пожеланиями я сталкивался как раз в те моменты, когда пытался разглядеть «черта» там, где он еще не виден был многим. Когда пытался определить, не разовьется ли маленький прыщик в болезненный фурункул на здоровом теле...

На мой взгляд, именно боязнь острого, обобщающего взгляда нередко приводит к тому, что отдельные негативные факты безнаказанно распространяются, превращаются в явление, а социальное зло так получилось с пьянством, с ослаблением дисциплины. Сегодня это уже не отдельные недостатки, не отдельные отрицательные факты. Сегодня это серьезная проблема. И, пожалуй, впервые мы с такой остротой говорим, как сильно нам это мешает. Хотя, замечу, сатира всегда возделывала это «поле». Немало пьяниц, прогульщиков, любителей перекурсов и кроссвордов стало объектом сатирических стихов, фельетонов, рассказов, выпусков «Фитиля»... Но, видимо, тех выступлений против распространяющегося зла было недостаточно. Не была создана атмосфера общего неприятия, общего осуждения разгильдяйства и пьянства. Находились «жалельщики», которые заботливо поддерживали в трамваях или автобусах с ног валившегося пьянчугу. Находились сердобольные коллеги, которые сочувствовали похмельному «нездоровью» любителей приложиться к бутылке. Не удивительно, что в обстановке сочувствия, прощения, уговоров и мягких критических выступлений против «отдельных фактов» пьянство и получило такое распространение.

Значит, сегодня нужно выступать не только против алкоголиков, но и против тех «добрых людей» наших сограждан, которые жалуют, сочувствуют, покрывают пьяниц, покупают бутылку по просьбе подростка, щедро одалживают рубли на «поправку здоровья».

От литературы и искусства общество справедливо ждет помощи в искоренении зла. Я вспоминаю пронзительную по своему звучанию повесть Вилы Липатова «Серая мышь», где он показав судьбу человека, разрушенного алкоголем. Большое пропагандистское значение имел бы сегодня фильм, говорящий о человеке, потерявшем человеческий облик из-за пьянства. Такой фильм, если, конечно, он сделан талантливо, принес бы значительно большую пользу, чем фильм о человеке, плывшем только минеральную воду и совершающем только благородные поступки.

Мы довольно долго недооценивали того серьезного воздействия, которое оказывает пьянство на жизнь общества. Сегодня положение изменилось. Мы знаем, что называется «серая в лицо» и объявили ему всенародную борьбу. Но вот что меня настораживает: не превратилась бы эта борьба в кампанию. Беремся засучив рукава, а потом у самих же руки опускаются. Так было не раз.

Борьба с пьянством — это последовательная, систематическая воспитательная и разъяснительная работа. Она предполагает при всей строгости и определенную гибкость, ибо дело касается психологической перестройки человека. А такая перестройка сразу никому не давалась и не дается.

Если бы пьянство можно было победить призывами к совести или штрафами, как штрафуют инспекторы ГАИ пешеходов и водителей, нарушивших правила, это зло не было бы общественно значимой проблемой. Вот почему хочу предостеречь рабочих, руководителей производства, писателя-сатирика, выступивших на борьбу с пьянством, с нарушениями дисциплины, от настроения шапкозакидательства. От настроения на мгновенные победы. Как бы нам ни хотелось скорых и быстрых результатов, желаемое в войне с пьянством нельзя выдавать за действительное. Рано строить триумфальные арки, ими хорошо венчать путь, а мы пока в начале его...

ПОЧЕМУ я так настойчиво предостерегаю от желания легких и мгновенных результатов? Да потому, что, как говорится, это мы уже проходили. Казалось — порок наказан, недостаток изжит, но через какое-то время мы сталкивались с неожиданными и в чем-то даже новыми проявлениями того же порока, того же недостатка.

Есть у меня данная басня «Две подруги». Приведу отрывок, и читатель, возможно, вспомнит ее — она довольно остро прозвучала в то время, когда была написана.

Мы знаем, есть еще семейки,
Где наше хаот и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки...
А сало... русское едят!

В то время появились у нас вот такие поклонники заграничного тряпья, заграничных вещей. Их называли «стилягами». Одетые ярко, криливо, они фланжировали по улицам, бросая вызов окружающим. Но какую же реакцию они вызвали? В основном насмешку. Было видно, что под заграничным тряпьем прячется бездельник, нахлебник, узколобый мащанин. «Стиляги» были, так сказать, открытой мишенью и, вызвав на себя огонь критики, сатиры, вызвав неприятие в обществе, довольно скоро исчезли.

Стало быть, ура, победа?!

Но вот после встречи с актером, который просил у меня «чего-нибудь новенького», я перечитал свою давнюю басню. Потом вышел на улицу, а там... девочки и мальчики, девичьи и парни, мужчины и женщины в джинсах, куртках, плащах, и на самых видных местах наклеены «злыбы» и «злыбочки» разных размеров и расцветок. «Э-э, — подумал я, — басня-то моя и сегодня звучит. Еще острее, чем в то время, когда была написана».

К сожалению, звучит. Правда, сегодня в погоне за заграничными штотками мы видим не одних бездельников и нахлебников. Эти как раз «нашли себя» в другой роли — в роли фарцовщиков, спекулянтов, обманщиков, доставал. Эти ловко пользуются ситуацией — спросом на «заграничные нак-

МИШЕННИ

экономической перестройки... я всегда думаю о том, что психологическая перестройка во сто крат сложнее.

Однако я вовсе не собираюсь оправдывать и самих «носителей» заграничных наклеек. Они не так уж безобидны и невинны. Когда я слышу разговоры об удобстве, практичности, элегантности «фирменного» тряпья, мне всегда хочется задать вопрос: а на какие деньги покупается у спекулянтов вся эта «фирма»? На зарплату? На честно заработанные деньги?

Я, простите, не верю в неограниченные возможности приобретательства на трудовые заработки. Спекуляция увяла бы на корню, если бы рассчитывала только на честно заработанные деньги. Спекуляция рассчитывает на шальные, «легкие» деньги и — процветает. Значит, у тех, кто бежит к спекулянтам, есть такие средства. «Легкие» деньги? Думаю, что не от крою большого секрета, если скажу: ворованные. Взятка, хищение, приписки, незаконно полученные премии за продукцию, не пользующуюся спросом, — все это источники тех «легких» денег, на которые «отовариваются» у спекулянтов и фарцовщиков многие любители заграничных наклеек.

Вот так: потянули за ниточку, а разматили целый клубок проблем. Новые это проблемы? Нет. О некоторых мы говорим не один десяток лет. Знаем, как решать их, знаем, что противопоставить их «расползанию», но воз, как говорится, и ныне там. Потому что, зная, часто бездействуем. Говорим о деле, а дела не делаем. Или делаем кое-как. Через пень-колючу. И таким отношением иногда губим ценное начинание, полезную инициативу.

ЧИТАЮ письмо. Автор пишет: «Не знаю, как лучше обратиться к вам: как к депутату, как к писателю-сатирику или как к редактору «Фитиля». Как вы считаете, может ли человек, который не хочет воровать, обманывать и вообще как-либо нарушать закон, стать жуликом? Я считаю: может. Убедился на собственном опыте.

Мне выделили участок. По закону. По закону я приобрел строительные материалы, чтобы построить домик. Кое-какие сбережения у меня были, так что хватало, хоть и в обрез. А строить я решил сам, все-таки мужик, и инструмент в руках держать умею.

Купил и цемент. Но чтобы замешать цемент, нужен песок. Где взять? В магазинах его не продают. Пошел я в песчаный карьер, где берут его для государственных строек, и прошу прораба продать две машины песка. Прораб говорит: не могу, не продаем. Я — «о!» да «ах!», а он сжалился и посоветовал: договорись с шоферами.

Договорился. Но когда шофер вез вторую машину, его задержала ГАИ за левый рейс. Шоферу, конечно, нагорело...

А я стал жуликом. Сам не рад, противно. Но, может, прикину?»

Я стараюсь в той или иной форме отвечать на каждое письмо. А тут задумался: что ответить? Помогать товарищу вроде бы не надо — песок у него есть. Уговаривать его не привлекать жульничать? Тоже вроде не надо — судя по письму, он не обделен совестью (бессовестный просто не признается, что он жулик) и чувством юмора, так что, думаю, с ним все будет в порядке.

Правда, на секунду представил, что если бы автор письма не достал песок и попросил меня помочь, а я бы стал ему помогать, то оказался бы в таком же положении — тоже стал бы жуликом. Разве что прораб и шоферы пооплавались бы связываться со мной. «Ну нет, — возможно, подумали бы они. — Еще в «Фитиле» протанят». В этом случае жуликом бы я не стал, но и песка бы у меня не было.

Потому что все, кто строил садовые домики на законном — еще раз подчеркиваю — основании, вынуждены были искать «левою» щебенку и «левой» песок. И следовательно, становились жуликами.

В силу обстоятельств. Но ведь кто-то создал эти обстоятельства, при которых появилась лазейка для нарушения закона. Я не экономист, но путем простой логики обнаруживаю, что «обстоятельства» были, так сказать, запрограммированы. Были заложены в экономических и плановых расчетах, а вернее — в просчетах.

Организовали государственную, через магазины, продажу стройматериалов. Очень хорошо. В витрине магазина выставили и пакет со щебенкой (сам видел) — значит, она должна быть в продаже. А ее нет. И песка нет. Хотя тоже должен продаваться. Почему нет? Оказывается, кто-то забыл одну

забываем или не хотим. Забываем, что жулик, спекулянт или пьяница не возникают из ничего, сами по себе не появляются, а всегда только в «благоприятных» условиях.

Стоило забыть о такой мелочи, как песок и щебенка, и кривая жульничества резко прыгнула вверх: здесь жулик и тот, кто ищет песок, и тот, кто сбывает его налево.

Отряд спекулянтов тоже не редет, потому что покупательский спрос не удовлетворяется через государственную торговую сеть из года в год...

Дважды два — четыре. А пятью пять — двадцать пять. Как таблица умножения, остаются неизменными некоторые наши проблемы...

ХОЧУ рассказать две истории, непохожие, на первый взгляд, но одинаково тревожные для меня. Первая история — о враче.

Он работал в районной больнице почти сорок лет. Все знали его, и он — всех. Не только в райцентре, но и в самой глубинке. Уважали его, ценили и в одно прекрасное вре-

Сергей МИХАЛКОВ

ЗАМЕТКИ САТИРИКА

мя поздравили, как говорится, от всей души с присвоением звания заслуженного врача республики. И все шло нормально. Но вот однажды приходит к нему человек и просит «устроить» бюллетень — зачем-то ему понадобились три дня: то ли на свадьбу приглашен, то ли на рыбалку собрался. А врач не «устроил». И человек обиделся. Да так, что написал «принципиальное» письмо о финансовых нарушениях в больнице.

Пришла ревизия. Нашли, что неправильно было оформлено совместительство. С кого спрос? С главврача.

Но о чем идет речь? Районная больница: медицинская сестра там совмещает еще подполжности. Видимо, по закону нельзя было оформлять ее еще на полставки. Но она отработывала эту половину в дополнительное время и, по существу, приносила пользу больнице. Общеизвестно, что у нас не хватает медсестер и санитарок, а тем более в районах.

Ну, доказав, что здесь не было страшной корысти, врач кое-как оправдался.

Тогда ревизии подкинул был другой «факт».

Дело в том, что при больнице был баран. Из его крови делали соответствующую сыворотку, необходимую для определенного лечения. Ревизия неожиданно заинтересовалась: а где шерсть с барана?

Баран этот пасется в колхозном стаде. Его, видимо, и стригли вместе с другими, и куда девается шерсть, никого в больнице не интересовало, в том числе и главврача. Но ему предъявили обвинение: куда девалось столько-то килограммов шерсти, настриженной с барана за столько-то лет? Ни в «бараньих» документах она не зафиксирована, ни в наличии ее нет.

Дело явно клонилось к тому, что врач в сговоре с персоналом эту шерсть сбил и тем самым сказочно обогатился.

У врача — тяжелый сердечный приступ.

И только в связи с таким чрезвычайным обстоятельством разбирательство прекратили. Дело закрыли.

Ошеломляет эта история. Столько в ней какой-то мелочности, тупости, равнодушия... Ну как можно было доводить человека до инфаркта? Неужели эти ревизоры в своем чиновном равнии не видели его состояния? За бумагами не увидели человека.

Разве письмо клуэника стоило того, что произошло? Даже если комиссия из райисполкома должна была провести эту ревизию, почему безоговорочно поверили письму, а не врачу? Только потому, что есть указание внимательно относиться к письмам трудящихся? Но ни для кого не секрет, что есть письма и... письма. Разве не должны мы испытывать естественное отращение к клуэзам, анонимкам, выдаваемым за острые сигналы? И стоит ли увлекаться созданием всевозможных комиссий для проверки и перепроверки очевидных ситуаций?

Вторая история. Сотрудник одного из научно-исследовательских институтов предложил новый метод обработки или переработки чего-то. Здесь не важно знать, чего именно, важно, что метод оказался новым, оригинальным, был одобрен и начал применяться на производстве, на практике.

Зарубежные фирмы хотят приобрести лицензию на этот метод. Но для внедрения его, как говорится, на месте приглашают на десять дней изобретателя.

Что может быть проще?

Однако в институте, едва речь зашла о поездке за границу, вдруг возникло несколько кандидатур, претендующих на поездку не только вместе с приглашенным автором, но даже и вместо него. Руководство института вдруг забеспокоилось: справится ли изобретатель — один! — с таким ответственным поручением. Кто-то срочно хочет стать соавтором и разделить бремя командировки. Когда ни тот ни другой вариант не проходит, почему-то долго не могут решить, кто должен отправить сотрудника, каков ведомство.

Одним словом, вокруг простого и ясного дела затеяли мышиную возню, скомпрометировали автора недоверием, подозрением, измотали человека нервы. А почему? Позавидовали интересной командировке. И вот затеяли интриги, склоку. Получается, что ради личной выгоды бесовестно попорны интересы дела, нормы отношений, и прежде всего партийные нормы.

В этих двух историях меня больше всего тревожат факты неуважения к человеку. Проявилось оно в разных ситуациях, но одинаково больно обижены люди, оскорблены до такой степени, что вот даже сердце у старого врача не выдержало.

сто не пускают сатирические произведения на сцену театров своего города или области. Не хотят, боясь привлечь внимание к тем острым вопросам, которые поставлены в пьесе. Сатира? Зачем? Лучше воздержаться. И автору дается вежливый, но неискренний ответ: ооли-де не расходятся между актерами в театре... или — для города эта тема неактуальна.

Я готов допустить, что тема предложенной пьесы может быть не самой актуальной для этого города или области. Скажем, в пьесе бичется пьянство, а для города это уже не проблема. С этим вопросом здесь уже все в порядке, пьянство изжито, вырвано с корнем.

Будь это так, следовало бы отступить. Но нередко под предлогом «местной неактуальности» отказываются ставить и всякое другое сатирическое произведение, на любую другую тему. Одному автору скажут, что данная тема неактуальна: другому — что с дисциплиной у них нет проблем; третьему — что с расхитителями народного добра они давно покончили. И так далее.

Представляет город или область, где нет никаких нерешенных проблем, недостатков, искажений и пр.?

Не верите? Вот и я тоже не верю в такую фантастическую картину. И думаю, что к имеющимся острым проблемам (а что проблемы существуют — сомневаться не приходится) этого города или области надо добавить еще одну: отношение к сатире, отношение к критике...

Почему-то сатирические премьеры не принято показывать в праздничные дни. Я никак не могу понять, почему этот острый жанр несовместим с праздничным настроением? Кто-то думает: не дай бог, если зрителя что-либо растрогает или заденет. Пусть думает, что все у нас везде хорошо и гладко. В будние дни — куда ни шло, но в праздники!

А мне вспоминаются слова В. И. Ленина о том, что лучший способ отметить юбилей — это поговорить о еще нерешенных задачах. Сила общества как раз и заключается в том, чтобы всегда открыто и прямо говорить о своих проблемах.

На мой взгляд, сегодня речь должна идти не столько о количестве накопления новых сатирических произведений (их и так у нас немало), сколько об изменении отношения к сатире как к выразительной, художественной форме критики и самокритики. Это отношение должно целиком определяться ленинским требованием гласности в нашей работе, нашей общей нетерпимостью к любым проявлениям коммунства, зазнайства и другим недостаткам, несовместимым с нашей моралью.

Уверен, сатирик не может стать трусоватым человеком, потому что сатира — всегда бой, драка. Но как это ни покажется парадоксальным, сатирики не могут быть злыми, озлобленными людьми. Кому придет в голову назвать «злыми» Маяковского, Зощенко, Ильфа, Петрова — авторов сатирических произведений, которые очень любят в народе? Злом не воюют во имя добра.

Я говорил уже много раз, что сатира не рождается под общие аплодисменты. Она не может радовать всех. Смелая сатира, продиктованная государственными интересами и принципиальными соображениями, обязательно кого-то разозлит, выведет из равновесия, заденет за живое, нарушит, по словам Горького, «удобную обстановку» в душе того, против кого она направлена. Обличая, осмеивая, осуждая уродливое и безобразное, сатира предлагает людям сделать для себя вывод о том, какой в действительности должна быть жизнь.

Но, к сожалению, вместо желания подумать и что-то важное о жизни решить для себя люди иногда обижаются на сатиру и писателя, укоряют его за якобы широкое обобщение, считают его работу очернительством.

Я написал пьесу «Пена», где довольно зло высмеял автора не им написанной диссертации. Бывает такое в практике? Бывает. Но это не означает, что все ученые защищают диссертации и получают звания подобным образом.

А обиделись многие. Зачем, говорили, чернить весь научный мир, давать повод думать, что каждый из нас плагиатор? А я не понимаю, почему частный, талантливый ученый должен принимать критику на свой счет. Что ему беспокоиться за себя? Нужно беспокоиться за общее дело, в котором, оказывается, не все ладно, не все в порядке, а не обижаться на сатиру. (Стоит ли, увидев себя в зеркале лохматым, разбивать его? Лучше взять расческу и причешется...)

Иной раз немало преград встает на пути острого, смелого художественного произведения, прежде чем оно появится на свет. Причем в конце концов это произведение пробивает дорогу и более того — получает высокую общественную, партийную оценку. И как раз то необычное, смелое, за что произведение высоко оценено, подвергалось или obstructии, или недоверию: что-то не то, что-то не так, и пошатнет ли это основы нашего государства?

А на деле оказывается, что о недостатках, об отрицательных явлениях надо было говорить еще острее, настойчивее привлекать внимание общества к ним. Если что и может «послать» основы, так это нежелание услышать правду, стремление смягчить негативный факт, а то и вовсе его не заметить, отмахнуться.

Всем известно: сатира призвана изобличать недостатки во имя их скорейшего исправления. Конечно, мы хотели бы, чтобы меньше было мишеней для критики, чтобы басни и другие сатирические произведения как можно быстрее устаревали. Но многие из пороков, увя, живучи.

Давно уже я преодолел максималистские представления молодости. Увидел, как умело и ловко приспособляются к жизни всякие урожда: вранье, которое проявляет себя приписками и очковитательством; трусость, которая делает человека перестраховщиком; равнодушие, которое питает бюрократу... С годами понял, как все это непростое; можно сколько угодно отсекав Кошееву голову порока, но она будет отрастать вновь и вновь, если не добраться до глубоко запрятанного кончика иглы, обломки которой можно поразить и самого Кошея, то есть порока.

Вникаю в материалы проходящего на этих днях совещания по вопросам освоения научно-технического прогресса, в доклад Михаила Сергеевича Горбачева и думаю: какое не обязательное поле деятельности для нас, писателей! Ведь партия не только формулирует задачи освоения социально-экономического развития на базе научно-технического прогресса, но и отмечает конкретные недостатки, с которыми мы должны бороться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Стало быть, и средствами сатиры. В борьбе с этими недостатками не должно быть равнодушия. Честно признаемся себе: не случалось ли и нам проходить мимо того, что не может быть терпимо, уклоняться от решительной схватки с пороком по самым разным причинам — из-за нехватки времени, из эгоизма или душевной черствости, по причине страха или лени?..

Вот почему сатира, как мне кажется, должна сегодня избирать в качестве мишеней не только прямых носителей пороков (их-то, конечно, в первую очередь!), но и всех тех, кто своей социальной пассивностью создает питательную среду для всякого рода антиповов.

А если в результате нашей энергичной всенародной борьбы недостатков, то есть наших сегодняшних «мишеней», станет меньше, мы, сатирики, в обиде не будем!